

увидите ясно, что совершеннейший стал в Петровы лета язык, нежели в прежде его бывшие. А от Петровых лет толь отчасу во многих писателях приятнейшим оной становится, что нимало не сомневаюсь, чтоб великия Анны в лета к совершенной не пришел своей высоте и красоте». Здесь нет, конечно, мысли об историзме, о вечном движении и постоянном прогрессе языка, как и культуры вообще. Тредиаковский думает, что есть заранее данная норма достоинства, совершенства языка; есть языки необработанные «разумом», и они стоят ниже этой нормы; но можно поднять такие языки до уровня нормы, и тогда их движение может остановиться. Это можно сделать лишь с языками, достойными нормализации; русский язык, язык великой страны, достоин ее. Вождя, Французская академия со своим словарем, французские поэты от Малерба до молодого Вольтера, законодатели «вкуса» (т. е. норм) во главе с Буало, — затем Готшед со своими учебниками филологии и поэтики, его единомышленники в журналах его направления показывают путь «украшения» языка, — а предел его указан латинской грамматикой, риторикой, — от Квинтилиана до Скалигера и их популяризаторов более поздних времен. Позднее, в 1744 году, в «Слове о витийстве» Тредиаковский писал: «Всегда удивляться чужому искусству, а собственных сил не отведывать и о собственном искусстве не стараться — знак есть незнания и лености или, по крайней мере, ненадеяния к сделанию равного, хотя бы уж и таково, которое бы весьма мало не равнялось. Но и вы, о! дражайшие россияне, сделайте либо еще и плодоноснейшее и полезнейшее и изящнейшее и высочайшее, ежели о том всякими мерами, неусыпным прилежанием, всеми, наконец, силами, денно и ночью... потяться и благоволите».

Эту же в сущности линию «защиты и прославления» русского языка, — и с ним литературной культуры вообще, — продолжил Ломоносов, шедший в этом направлении дальше Тредиаковского. Тредиаковский надеялся, что неусыпными трудами русских филологов и писателей можно будет вскоре приблизить русский язык к норме. Ломоносов утверждал, что русскому языку уже свойственно высшее достоинство, более полно выраженное, чем в каждом из отдельных языков других литератур и наций. В посвящении «Риторике» 1748 года он писал: «Язык, которым Российская держава великой части света повелевает по ее могуществу, имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает». В наброске плана филологических исследований Ломоносова предусмотрены главы или отдельные труды на темы о преимуществах, о чистоте и о красоте российского языка. В наброске статьи «О нынешнем состоянии словесных наук в России» опять говорится: «Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствует довольно из книг, в прошлые века